

Уроки истории *Lessons from History*

DOI: 10.31857/S020596060007597-8

ФЕЛЬЕТОНЫ И КАРИКАТУРЫ НА УЧЕНЫХ КАК ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

ФАНДО Роман Алексеевич — *Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН; Россия, 125315, Москва, ул. Балтийская, д. 14; E-mail: fando@mail.ru*

© Р. А. Фандо

В статье проанализированы юмористические заметки об ученых, опубликованные в фельетонном словаре В. О. Михневича «Наши знакомые» (1884). Обращение к такому источнику позволяет в необычном ракурсе взглянуть на жизнь и деятельность многих выдающихся ученых XIX в. и открыть новые грани их личностей. Автором рассматриваются статьи о А. Н. Бекетове, А. П. Бородине, А. М. Бутлерове, Н. П. Вагнере, М. С. Воронине, А. О. Ковалевском, Д. И. Менделееве, И. И. Мечникове, Ф. В. Овсянникове, Ф. Ф. Петрушевском, И. М. Сеченове, А. С. Фаминцыне, Л. С. Ценковском, П. Н. Яблочкове, а также о представителях медицинской науки С. П. Боткине, А. Г. Захарьине, В. А. Кашеваровой-Рудневой, П. Я. Пясецком, Н. В. Склифосовском, О. А. Чечотте, Э. Э. Эйхвальде. Ряд статей дополнен портретными шаржами, где герои изображены в стиле того времени с крупными головами — целью этого приема была не насмешка над ними, а корректная передача их внешности. В статье сделана попытка оценить соотношение правды и вымысла в представленной Михневичем информации, внесшей свой вклад в создание мифологизированных образов деятелей науки и медицины конца XIX в.

Ключевые слова: карикатура, сатира и юмор, научное сообщество, мифы, историческая достоверность.

Статья поступила в редакцию 18 ноября 2019 г.

CARICATURES AND SATIRES OF SCIENTISTS AS HISTORICAL SOURCES

FANDO Roman Alekseevich — *S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences; Ul. Baltiyskaya, 14, Moscow, 125315, Russia; E-mail: fando@mail.ru*

© R. A. Fando

Abstract: This paper analyzes humorous pieces on scientists, published in V. O. Mikhnevich's satirical dictionary titled "Our Acquaintances" (1884). Turning to a source of this kind allows an unusual perspective on the life and work of many outstanding scientists of the 19th century and enables revealing new facets of their personalities. In this paper, the author reviews the pieces on A. N. Beketov, A. P. Borodin, A. M. Butlerov, N. P. Vagner, M. S. Voronin, A. O. Kovalevskii, D. I. Mendeleev, I. I. Mechnikov, F. V. Ovsyannikov, F. F. Petrushevskii, I. M. Sechenov, A. S. Famintsyn, L. S. Tsenkovskii, P. N. Yablochkov, and on the representatives of medical sciences S. P. Botkin, A. G. Zakharyin, V. A. Kashevarova-Rudneva, P. Ya. Pyasetskii, N. V. Sklifosovskii, O. A. Chechott, and E. E. Eikhenvald. Some pieces are accompanied with caricature portraits in which the heroes are depicted in the style of the time — with big heads, which was done so as to correctly convey their appearance rather than to mock them. The paper attempts to make a judgment on the balance of truth and fiction in the information provided by Mikhnevich that had contributed to the creation of mythologized images of the scientists and medical professionals in the late 19th century.

Keywords: caricature, satire and humor, scientific community, myths, historical credibility.

For citation: Fando, R. A. (2020) Fel'etony i karikatury na uchenykh kak istoricheskie istochniki [Caricatures and Satires of Scientists as Historical Sources], *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, vol. 41, no. 4, pp. 717–745, DOI: 10.31857/S020596060007597-8.

Биографии ученых были и остаются жанром, популярным у исследователей и читателей. Сегодня, когда наблюдается рост числа жизнеописаний выдающихся деятелей науки прошлого, издаются биографические словари, снимаются документальные и художественные фильмы об ученых, как никогда становится актуальной разработка различных подходов к жанру научной биографии. О. А. Валькова, анализируя историю академической научно-биографической серии, отмечает, что на протяжении длительного времени описываемый портрет исследователя обладал идеальными качествами:

В нем не было места никаким человеческим слабостям, никаким заблуждениям; никаким спорам и дискуссиям; никаким неподходящим родственникам и друзьям; никаким проблемам – от материальных до любовных ¹.

В последнее время публикуемые в научно-биографической серии книги становятся более «живыми», а их герои выглядят более реалистично. На смену героическому образу труженика науки, который предан самоотверженному поиску научной истины, приходит новый образ человека со своими слабостями, интересами, мотивами поведения, противоречивыми поступками. Данный подход в значительной степени обогащает историю науки, так как любая история гораздо шире, глубже и интереснее, что в конечном итоге делает ее привлекательной для людей разных профессий.

Интерес к науке и ее творцам часто выходит за пределы научного сообщества, сведения о научных открытиях обсуждаются на страницах популярных изданий, об ученых часто слагаются мифы, зачастую основанные на слухах и домыслах. Писатели, журналисты, художники представляют историко-научные сюжеты в своей интерпретации, зачастую альтернативной официальной истории. Вопрос соотношения правды и вымысла в фельетонах, научно-популярных статьях, литературных произведениях, визуальных источниках, кинофильмах является одним из важных и сложных для историков и историков науки в том числе. Попробуем рассмотреть некоторые примеры популярных заметок об ученых и определить элементы мифологизации их образов на материале фельетонного словаря В. О. Михневича «Наши знакомые», вышедшего в 1884 г. ²

В словарь вошли юмористические характеристики известных русских государственных и общественных деятелей, ученых, писателей, художников, артистов, промышленников и предпринимателей. Автор данного издания – русский историк, писатель и журналист Владимир Осипович Михневич (1841–1899). Он происходил из старинного католического дворянского рода. Детство будущего писателя прошло в Херсонской губернии, затем он учился во 2-й Киевской и Нежинской гимназиях ³. Уже в восемнадцатилетнем возрасте Михневич опубликовал свою заметку, в которой высмеивал имитацию научной

---

¹ Валькова О. А. Портрет ученого на фоне эпохи // Вихревая динамика развития науки и техники. Россия / СССР. Первая половина XX века: в 2 т. // Отв. ред. Ю. М. Батурин. М.: ИИЕТ РАН; Саратов: Амирит, 2018. Т. 2: Экстремальный режим развития науки и техники. С. 660.

² Михневич В. О. Наши знакомые. Фельетонный словарь современников. 1000 характеристик русских государственных и общественных деятелей, ученых, писателей, художников, коммерсантов, промышленников и пр. СПб.: Тип. Э. Гоппе, 1884.

³ См.: Иванова Т. Г. Михневич Владимир Осипович // Русские фольклористы: биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв.: в 5 т. / Ред. Т. Г. Иванова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 3. С. 606–610.

деятельности в провинциальных ученых кругах ⁴. В 1855 г., после переезда в Санкт-Петербург, он начал активно заниматься литературной деятельностью, печатал сатирические заметки в «Будильнике», «Голосе», «Занозе», «Новостях», «Деле», «Стрекозе», «Неделе», «Историческом вестнике». Михневич старался превратить газетный фельетон, рассчитанный на легкое чтение, в насыщенное злободневное произведение. Он также написал романы-фельетоны, такие как «В петербургском омуте» (1879) и «Москвичка» (1891) ⁵, участвовал в деятельности Литературного фонда, которому на склоне своих лет завещал свою библиотеку и имущество.

В 1884 г. вышел его знаменитый фельетонный словарь «Наши знакомые» с интересными описаниями жизни государственных деятелей, а также представителей искусства и науки. Портреты-карикатуры на известных людей были выполнены художниками А. И. Лебедевым ⁶, М. Е. Малышевым ⁷ и А. А. Серебряковым. Весь иллюстративный материал был создан художниками по наброскам самого автора фельетонов.

В предисловии к книге Михневич пишет:

В задачу мою входило собрать [...] всех наших знакомых (курсив в оригинале. – Р. Ф.), т. е. все, что есть только замечательного и интересного, как в положительном, так и в отрицательном отношении, в наличном, за данный

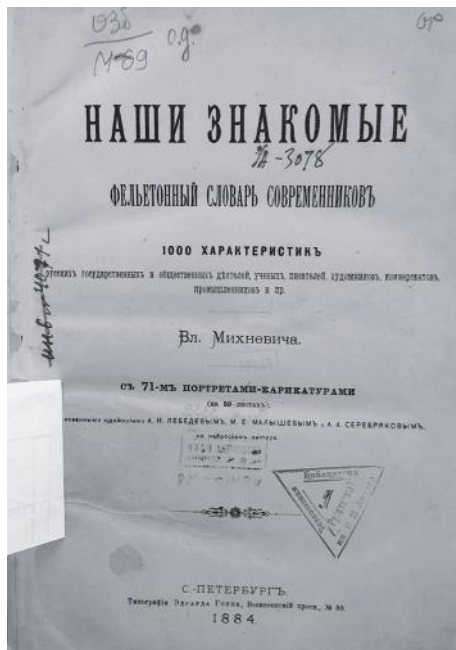

Рис. 1. Титульный лист книги В. О. Михневича «Наши знакомые»

⁴ Михневич В. О. Сны. Фантастические мелочи провинциальной жизни // Искра. 4 декабря 1859 г. № 47. С. 475–478.

⁵ Михневич В. О. В петербургском омуте. СПб.: Тип. Ф. С. Сушинского, 1879; Михневич В. О. Москвичка. СПб.: Калашниковская тип., 1891.

⁶ Александр Игнатьевич Лебедев (1830–1898) — художник-карикатурист, автор многочисленных рисунков в сатирических журналах «Весельчак», «Заноза», «Кругозор», «Нива», «Пчела», «Стрекоза». Основной графической техникой, в которой работал художник, была литография.

⁷ Михаил Егорович Малышев (1852–1914) — художник-иллюстратор, автор рисунков для журналов: «Всемирная иллюстрация», «Дело и отдых», «Осколки», «Стрекоза».

момент, составе русского общества, при том во всевозможных его слоях и сферах ⁸.

Среди выбранных автором знаменитостей значительную долю составили ученые, что свидетельствовало о проявлении интереса со стороны обывателей к вопросам науки. При подготовке словаря Михневич избегал простых описаний заслуг «великих мыслителей», его интересовали черты их характеров и курьезные случаи из их биографий. При этом автор стремился быть максимально корректным, чтобы при рассказе о нелицеприятных поступках героев не умалить их талантов и заслуг.

Рассмотрение характеристик известных ученых позволило Михневичу реконструировать некоторые стороны их жизни. Без мифологизации образов ученых в приведенных фельетонах не обошлось, так как сам процесс написания сатирического текста предполагает некоторое изменение реального факта, использование различных приемов: иронии, метафоры, аллюзии. Так появились новые характеристики героев, отличные от различных данных из биографических источников. Рассмотрим в качестве примеров сатирические заметки об известных естествоиспытателях, оставив в стороне тексты об ученых-гуманитариях, которых также немало на страницах фельетонного словаря.

Андрей Николаевич Бекетов (1825–1902) – профессор ботаники, бывший ректор Петербургского университета, снискал у Михневича такую характеристику: «Замечательный ученый, очень добрый и мягкий человек, но как о ректоре-начальнике о нем толковали разно: вверху говорили – “слабый”, внизу говорили – “гибкий”» ⁹.

Действительно, Бекетов, будучи ректором Петербургского университета с 1876 по 1883 г., отличался излишней мягкостью, был сторонником демократических изменений, в частности, в системе университетского образования. Вот некоторые описания черт его характера: «...замечательно скромный, гуманный и неизмеримо добрый человек» ¹⁰, «неспособный на зло, он в высшей степени доверчиво относился к людям» ¹¹.

Мягкость Бекетова по отношению к людям ярко иллюстрируют воспоминания жены Д. И. Менделеева Анны Ивановны Менделеевой. Чета Менделеевых была очень дружна с семьей Бекетовых, часто они проводили вместе время. По совету Менделеевых Бекетов приобрел небольшое имение Шахматово, неподалеку от Боблова, подмосковного имения своих друзей. Однажды, гуляя в своем поместье, Бекетов заметил крестьянина, рубящего дерево. Увидев это, Андрей Николаевич не стал скандалить и предпринимать попыток наказать виновника за воровство. Он сделал вид, что ничего противозаконного

⁸ Михневич. Наши знакомые... С. V.

⁹ Там же. С. 14.

¹⁰ Кузнецов Н. И. Памяти А. Н. Бекетова // Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. 1903. Т. 33. № 1. С. 245.

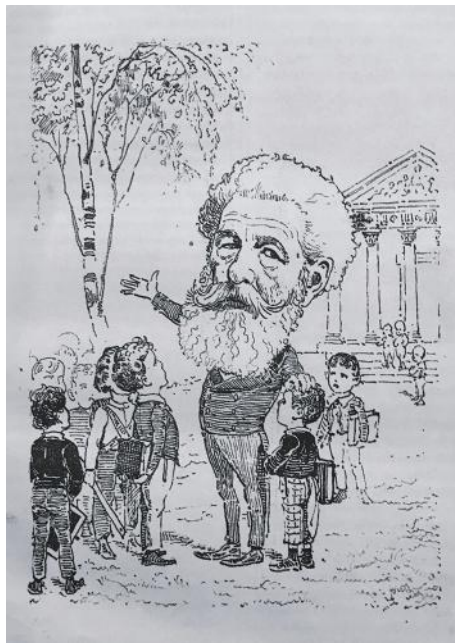
¹¹ Бородин И. П. А. Н. Бекетов // Там же. С. 236.

не произошло, и предложил крестьянину помочь донести тяжелое дерево¹².

Повышенное чувство интеллигентности и доброжелательное отношение к окружающим помогали ректору Бекетову избегать рабочих конфликтов, при этом Санкт-Петербургский университет в годы его руководства стал одним из крупнейших научных и образовательных центров России. Будучи ректором, он ратовал за разрешение студенческих организаций, устройство читален, вспомогательных касс, не противился проведению учащейся молодежью концертов и литературных вечеров — все это вызывало сильное негодование со стороны Министерства народного просвещения и Министерства внутренних дел¹³.

Сам Бекетов совмещал функции администратора с исследовательской и преподавательской работой, он читал студентам свой авторский курс ботаники, руководил диссертационными исследованиями, создал ботанико-географическую научную школу. Ученый с большим удовольствием занимался переводческой и редакторской деятельностью. П. А. Баранов отмечал, что за 15 лет Бекетов перевел 500 авторских листов иностранной литературы, отредактировал эти тексты, снабдил основательными примечаниями¹⁴. Переводы ученого, несомненно, помогли в подготовке ботаников и пробуждении интереса к биологии в широких кругах российской интеллигенции. За 35 лет своей педагогической деятельности в Санкт-Петербургском университете он сумел не только подготовить ряд классических учебных пособий по различным разделам ботаники, но и организовал ботанический учебный сад и исследовательскую лабораторию, оборудовав ее новейшим для того времени оборудованием.

Другой известный ботаник, Михаил Степанович Воронин (1838–1903), описан в словаре как человек, прославившийся не своей ученостью, а своими банями в Фонарном переулке. Естественно, что

Рис. 2. Портрет-карикатура на А. М. Бекетова (Михневич. Наши знакомые... Вкладка)

¹² Менделеева А. И. Менделеев в жизни. М.: М. и С. Сабашниковы, 1928. С. 132.

¹³ Щербакова А. А. Андрей Николаевич Бекетов. Выдающийся русский ботаник и общественный деятель. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

¹⁴ Баранов П. А. Выдающийся русский ботаник Андрей Николаевич Бекетов (к 50-летию со дня смерти). М.: МОИП, 1952.

научные заслуги Воронина были совершенно нивелированы автором фельетона. Известно, что ученый в 1884 г. был избран членом-корреспондентом Императорской академии наук, являлся специалистом мирового уровня в области микологии и фитопатологии, разработал онтогенетический метод в микологии, открыл клубеньковые бактерии на корнях бобовых растений (1866) и неизвестную ранее систематическую группу грибов — *Exobasidiales*. Признавая научные заслуги ученого, в его честь назвали род водорослей — *Woroninia* и два рода грибов — *Woroninella* и *Woronina*.

Будучи сыном состоятельного купца С. Д. Воронина, ученый позволял себе длительные научные стажировки в европейских университетах, содержание собственной превосходно оборудованной лаборатории, благотворительное чтение лекций на Петербургских высших женских курсах, денежные пожертвования на нужды различных учебных заведений и просветительских обществ. После смерти отца Воронин стал богатым домовладельцем в Санкт-Петербурге, в том числе ему принадлежали Воронинские бани в Фонарном переулке. Дочь упомянутого ранее Бекетова, Мария Андреевна Бекетова, вспоминала, что Воронин, несмотря на свою обеспеченность, был необычайно скромным человеком, интересовавшимся в основном вопросами науки¹⁵.

Об Андрее Сергеевиче Фаминцыне (1835–1918), известном физиологе растений, профессоре Петербургского университета в словаре написано, что он

один из немногих счастливых среди заслуженных русских ученых, которые замечены синедрионом академических «дядюшек». Г. Фаминцын титулом академика почтен может быть потому, что пишет свои ученые «мемуары» на образцовом немецком языке. Это – не случайность. В самом деле, большая часть академиков-русских писали и пишут по-немецки и, может быть, сами немножко онемечиваются...¹⁶

В качестве заслуг ученого в словаре приводятся его успехи по изучению «животворных чудес, производимых действием света на растения»¹⁷.

Автор словаря неоднократно упоминает, что попадание ученых с русскими фамилиями в члены Императорской академии, скорее, исключение из правил, негласно действующих в академическом сообществе. В качестве примера приведем описание Михневичем научных заслуг гистолога и физиолога Филиппа Васильевича Овсянникова (1827–1906):

...академик и профессор, замечательный ученый физиолог, пользующийся европейской известностью, что, как известно, очень редко выпадает на долю людей науки с русскими именами. Приятно и достойно удивления, что ученая

¹⁵ Бекетова М. А. Шахматово. Семейная хроника. М.: Директ-Медиа, 2013. С. 35.

¹⁶ Михневич. Наши знакомые... С. 231.

¹⁷ Там же.

Европа признала заслуги нашего соотечественника – кровного русака, но как должны быть несомненны, важны и блестящи эти заслуги, если их признала в г. Овсянникове даже наша де-сианс академия и удостоила его даже посадить в синедрион своих «дядюшек»! Впрочем, в глазах их «смягчающим вину» русского происхождения г. Овсянникова должно служить то обстоятельство, что он большую часть своих ученых исследований писал по-немецки и печатал в заграничных изданиях ¹⁸.

С большим негодованием автор фельетонов пишет, что Менделеев был бы давно академиком, если б родился немцем и притом племянником какого-нибудь из академических «дядюшек», а еще лучше – всех их, порознь и вкупе. Всем хорошо памятна скандальная история с забаллотировкой г. Менделеева нашей академией наук, за что, впрочем, почтенный профессор мог бы только чувствительно поблагодарить академию, так как нанесенная ею обида ему послужила поводом для такого восторженного прославления его и почета со стороны всех русских ученых in corpore и для такой громкой популярности среди всей публики, какие и во сне не пригрезятся самому экстра-ординарнейшему академику – «дядюшке»! ¹⁹

Б. Г. Кузнецов отмечал, что против Менделеева на выборах в академии в 1880 г. выступила так называемая «немецкая партия» Академии наук, в которую входили ученые в основном иностранного происхождения, стоявшие в оппозиции к университетским профессорам ²⁰. И. С. Дмитриев считает, что поражение создателя Периодической системы элементов на академических выборах было предопределено целым рядом причин: Менделеев имел очень сложный характер и не вписывался в академический клан, академическая корпорация старалась не пускать к себе представителей университетской науки, рекомендовавший его А. М. Бутлеров тоже вызывал негатив у некоторых членов физико-математического отделения Академии наук ²¹. В итоге на заседании 11 ноября 1880 г. физико-математического отделения Академии наук его члены выбрали в экстраординарные академики Ф. Ф. Бейльштейна, забаллотировав кандидатуру Менделеева.

Вокруг фигуры Менделеева постоянно складывались различные мифы и легенды. В словаре говорится, что известный химик имел отношение к пресловутой бакинской нефти и алхимическим превращениям «иностраннных» вин братьев Елисеевых ²². Дмитриев справедливо отметил, что мифы, связанные с именем Менделеева, живут не только в устной фольклорной традиции, но и на страницах научных

---

¹⁸ Там же. С. 161.

¹⁹ Там же. С. 143.

²⁰ Кузнецов Б. Г. Ломоносов. Лобачевский. Менделеев: очерки жизни и мировоззрения. М.: URSS, 2017. С. 225.

²¹ Дмитриев И. С. Скучная история (о избрании Д. И. Менделеева в Императорскую академию наук в 1880 г.) // ВИЕТ. 2002. № 2. С. 231–280.

²² Михневич. Наши знакомые... С. 143.

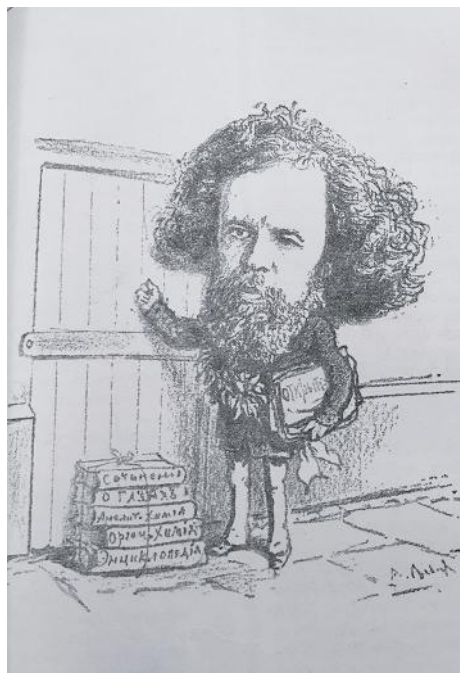

Рис. 3. Портрет-карикатура на Д. И. Менделеева (Михневич. Наши знакомые... Вкладка)

изданий²³. Действительно, ученому ставилось в заслугу то «изобретение русской водки», то шпионаж в области технологий нефтепереработки на американских предприятиях.

Справедливости ради скажем, что Менделеев действительно внес весомый вклад в развитие нефтяного промысла и нефтепереработки. По просьбе нефтедобытчика В. А. Кокорева ученый посетил Баку в 1863 г., где предложил оборудовать нефтеналивные суда и построить нефтепровод. По его рекомендациям перегонка нефти была переведена на непрерывный цикл. Новаторские идеи Менделеева помогли Кокореву и Людвигу Нобелю, брату изобретателя динамита, заработать на нефти колоссальные состояния²⁴.

Михневич симпатизировал «великому химику», отмечал его целеустремленность и работоспособность: «Свой ученый кабинет и ла-

бораторию г. Менделеев покидает иногда для практических вопросов и “злобе дня”»²⁵.

Другой талантливый химик, Александр Порфирьевич Бородин (1833–1887), попал в словарь благодаря своей известности в различных сферах — научной и музыкальной.

Ученый и артист, химик и музыкант, медик и композитор, равно талантливый и сведущий во всех этих профессиях. В химии г. Бородин считается авторитетом, и его исследования и открытия дали ему европейскую известность. Его музыкальное творчество обнаружилось в 70-х гг., и с таким блеском, что он, по общему признанию, занял видное место среди современных русских композиторов²⁶, — так писал об известном ученом Михневич.

Известный химик Александр Михайлович Бутлеров (1826–1886) и зоолог Николай Петрович Вагнер (1829–1907) показаны в упомянутом словаре еще и в качестве поклонников спиритизма:

²³ Дмитриев И. С. Герой мифов и легенд // Природа. 2009. № 1. С. 110–117.

²⁴ Кушнарев А. А. Дмитрий Менделеев: «Какой я химик?». М.: Майор; Издатель А. И. Осипенко, 2017.

²⁵ Михневич. Наши знакомые... С. 143.

²⁶ Там же. С. 270.

Продолжает ли г. Бутлеров до сих пор разнообразить свои ученые занятия столоверчением, верить в «материализацию» и в «четвертое измерение» и интимно беседовать с кокетливым духом таинственной китаянки Жеке – «Записки» и «Бюллетени» академии наук об этом умалчивают ²⁷.

Вагнер, Н. П. – профессор, даровитый ученый и писатель, прославившийся, однако, не столько своими учеными трудами и сочинениями, сколько страстным увлечением спиритическими бреднями. Из всех адептов новой спиритической веры г. Вагнер наиболее пострадал за нее: одно время не было такого журнальчика, не было такой газетки, которые не предавали бы почтенного профессора сугубому поруганию и посмеянию ²⁸.

На первый взгляд увлечение ученых с естественно-научным образованием спиритизмом кажется неправдоподобным. Тем не менее Бутлеров и Вагнер действительно выступали в 1870-е гг. на страницах периодической печати в поддержку спиритизма и медиумизма ²⁹. По их мнению, наличие различных духов подтверждалось множеством фактов, поэтому спиритизм они рассматривали как новое научное направление. Вагнер в последние годы своей жизни практически отошел от науки, отдав все силы философско-спиритическому обществу и спиритическому журналу «Ребус» ³⁰.

В ответ на эти заявления были высказаны противоположные мнения со стороны других ученых. Так, например, Менделеев предложил в 1875 г. на заседании Физического общества Санкт-Петербургского университета организовать комиссию по проверке медиумических явлений. Такая комиссия была создана и провела несколько сеансов с медиумами – братьями Петти и госпожой Клайер. На сеансы были приглашены поклонники спиритизма – Бутлеров, Вагнер и А. Н. Аксаков ³¹, а также скептики – Менделеев и писатель Ф. М. Достоевский. Основной вывод комиссии заключался в том, что наблюдаемые движения тел и издаваемые ими звуки были вызваны мышечными колебаниями медиумов или были просто иллюзией.

По словам Ю. Л. Халтурина, полемика о медиумизме и спиритуализме, развернувшаяся в 1870-х гг., была одним из первых в истории науки эпизодов борьбы между наукой и псевдонаукой, несмотря на то что участники дискуссий по разные стороны баррикад все

---

²⁷ Там же. С. 27.

²⁸ Там же. С. 29.

²⁹ Бутлеров А. М. Медиумические явления // Русский вестник. 1875. № 11. С. 300–348; Вагнер Н. П. Письмо к редактору (по поводу спиритизма) // Вестник Европы. 1975. № 4 (апрель). С. 855–875.

³⁰ Фокин С. И. Русские ученые в Неаполе. СПб.: Алетейя, 2006.

³¹ Александр Николаевич Аксаков (1832–1903) – русский переводчик, публицист, племянник писателя С. Т. Аксакова. Ввел в научный оборот термин «телекинез».

равно принадлежали к лагерю ученых-позитивистов, которые занимались описанием, интерпретацией, систематизацией и обобщением фактов ³².

Менделеев оказался победителем в споре с «адептами спиритической веры», о чем также сообщалось в словаре. На самом деле в этой полемике конфликтующие стороны остались при своем мнении. Более того, не веривший в спиритизм Достоевский посчитал выводы комиссии необидительными.

В плеяду известных математиков, упомянутых Михневичем, вошел академик Алексей Николаевич Савич (1810–1883), научная деятельность которого снискала ему уважение среди российских и европейских ученых.

Глубокий математик и астроном, автор множества ученых трактатов, остроумных исследований и открытий, г. Савич слишком мудрец, слишком специалист, весь свой век паривший в отвлеченных эмпиреях высшей науки, чтобы пользоваться среди «черни» просвещенной известностью, которая к тому же нередко «вещь довольно безобразная», как сказал Виктор Гюго ³³.

По поводу директора Пулковской обсерватории академика Генриха Ивановича Вильда (1833–1902) автор словаря иронично замечает, что труды астронома мало кому известны в России и вообще непонятно, имеет ли он таковые ³⁴, намекая тем самым на то, что в жизни академика превалировала административно-хозяйственная деятельность, нежели научная.

Павел Николаевич Яблочков (1847–1894), названный в книге Михневича «русским Прометеем» за первое практическое применение электрического света, тем не менее характеризуется как человек, не имеющий практической хватки.

Известно, что основанная г. Яблочковым парижская компания электрического освещения потерпела фиаско, и теперь изобретение его утилизируется уже другими, без всякого с его стороны участия. Впрочем, гонорар свой г. Яблочков взял и, говорят, очень хороший гонорар ³⁵.

Илья Ильич Мечников (1845–1916) описывается Михневичем как серьезный исследователь в области биологии, статьи которого скучны и малопонятны обывателям. По мнению автора словаря, издатели помещают статьи Мечникова «для мебели», как ханжи вешают у себя на стенах иконы, маскируясь под истинно верующих людей: пусть

---

³² *Халтурин Ю. Л.* Русские позитивисты за медиумическим столом, или об относительности понятия «псевдонаука» // *Эпистемология и философия науки.* 2009. Т. 22. № 4. С. 171–183.

³³ *Михневич.* Наши знакомые... С. 193.

³⁴ Там же. С. 271–272.

³⁵ Там же. С. 261–262.

окружающие думают, что мы люди образованные и следим за новостями науки ³⁶.

Бактериолога и ботаника Льва Семеновича Ценковского (1822–1887) автор фельетона высмеивает за распространение «отвратительного учения» о микроорганизмах.

Знать, что самая прелестнейшая [...] женщина есть, в сущности, не что иное как питательная территория для мириад кишачих на ней и в ней омерзительнейших паразитов [...] это смертельный удар всем эстетико-романтическим иллюзиям! ³⁷

Профессор Петербургского университета Федор Фомич Петрушевский (1828–1904) явно вызывает авторскую симпатию, так как после получения ученых степеней и достижения известности в научных кругах не оставил экспериментальную работу. Изучая свойства электричества, он совершил несколько научных открытий, но стал известным широкой общественности в основном благодаря своим научно-популярным лекциям.

...он (Петрушевский. – Р. Ф.) довольно часто искушается дешевой популярностью и среди интеллигентной «черни»: обыкновенно публичные лекции профессора Петрушевского, в которых он жесткие, малосъедобные плоды науки искусно приправляет общедоступным сладким соусом увеселительной эрудиции, входят в репертуар обычных развлечений петербургского сезона... Популяризация науки, хотя бы и увеселительная, – без сомнения, дело доброе и даже патриотическое! ³⁸

Знаменитых ученых из рода Ковалевских автор словаря описывает следующим образом:

Есть несколько Ковалевских, более или менее известных; отметим двух: 1) А. О. Ковалевский (здесь и далее курсив в оригинале. – Р. Ф.), профессор одесского университета, – ученый зоолог, в такой мере превосходный, что его серьезно хотела сманить от нас Франция, заслав ему очень соблазнительное предложение на кафедру в Марсель; но, кажется, г. Ковалевский устоял искушению и пребыл добрым «патриотом своего отечества». 2) М. М. Ковалевский, тоже профессор (московский), тоже посвятил себя изучению царства животного, но в тесной рамке одного лишь его класса, именуемого *Homo sapiens* – Бог весть, достоверно ли? Г. Ковалевский пользуется почетной известностью в науке и литературе как даровитый, глубокий исследователь патриархального народного быта по непосредственным наблюдениям. Чтобы отыскать этот быт в нетронутой чистоте, он обратился к полудиким горцам Кавказа. Получились драгоценные изыскания. В литературе известны книги г. Ковалевского:

---

³⁶ Там же. С. 144.

³⁷ Там же. С. 241.

³⁸ Там же. С. 170–171.

«О сословно-поземельных отношениях на Кавказе»³⁹, «Общинное земледелие»⁴⁰ и пр.⁴¹

Действительно, Максим Максимович Ковалевский (1851–1916) был известен и как ученый с мировым именем, и как первоклассный лектор. По воспоминаниям его родственника Е. П. Ковалевского,

ни одна из аудиторий Московского университета не вмещала всех слушателей М. М., и ему приходилось читать в актовом зале. На его лекции по сравнительному законодательству иностранных держав, то есть, проще говоря, по конституционному праву, собирались не только юристы, для которых курс его был обязательным предметом, но и филологи, естественники, медики⁴².

Однако либеральные взгляды М. М. Ковалевского вызывали негодование у чиновников Министерства народного просвещения, что в итоге привело к его увольнению из Московского университета. Устранение профессора из университета было настолько бесцеремонным, что вызвало волнение среди студентов. Сам же «сторонник либерализма», обвиненный в негативном отношении к государственному строю России, заявил, что уезжает жить за границу и не вернется домой, пока в стране не появится конституция. В 1887 г. он покинул родину и стал читать лекции в различных европейских и американских университетах. В ноябре 1901 г. была открыта Русская высшая школа общественных наук в Париже, одним из председателей которой стал М. М. Ковалевский. В новом учебном заведении он занимался не только административной работой, но также читал лекции по социологии, государственному праву, этнографии⁴³. М. М. Ковалевский оставил множество трудов в различных областях знаний, за что снискал мировую известность, но особое место в этом списке занимают исследования уклада жизни многочисленных народов Кавказа⁴⁴. Ученый не только изучал обычаи горцев, но и участвовал в археологических раскопках, собирал различные предметы старины. Многие привезенные им вещи переданы в дар музеям и выставляются и в настоящее время.

Что касается информации о приглашении зоолога Александра Онуфриевича Ковалевского (1840–1901) возглавить кафедру в Марселе, то,

---

³⁹ Имеется в виду работа: *Ковалевский М. М.* Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа // *Русская мысль*. 1883. № 4. С. 137–154.

⁴⁰ Имеется в виду книга: *Ковалевский М. М.* Общинное землевладение. Причины, ход и последствия его разложения. М.: Тип. Ф. Б. Миллера, 1879.

⁴¹ *Михневич*. Наши знакомые... С. 277.

⁴² *Ковалевский Е. П.* Черты из жизни Максима Максимовича по семейным и личным воспоминаниям // М. М. Ковалевский: ученый, государственный и общественный деятель и гражданин / Ред. Е. П. Ковалевский. Пг.: Артистическое заведение товарищества А. Ф. Маркс, 1917. С. 19.

⁴³ *Погодин С. Н.* Максим Максимович Ковалевский. СПб.: Нестор, 2005.

⁴⁴ Подробно об этих работах см.: *Калоев Б. А.* М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М.: Наука, 1979.

действительно, в 1882 г. Марсельский университет пригласил ученого на должность экстраординарного профессора. В Марселе работал друг А. О. Ковалевского — французский зоолог, эмбриолог и палеонтолог А. Ф. Марион. Как отмечал Л. Я. Бляхер: «Сотрудничество Ковалевского и Мариона покоилось на общности их теоретических взглядов. Оба они были убежденными сторонниками теории Дарвина»⁴⁵. В 1880 г. Марион стал директором Марсельского музея естественной истории, куда приезжал в зарубежные командировки А. О. Ковалевский. Французский коллега всячески способствовал переезду своего друга. В начале 1880-х гг. в Новороссийском университете, где работал А. О. Ковалевский, сложилась крайне тяжелая обстановка. В 1882 г. университет покидает Мечников, что стало сильным потрясением для Ковалевского, но оставить родину он так и не решился. В письме к Мечникову 9 июля 1884 г. он замечает: «Мое дело с Марселем, кажется, окончательно решилось; новый муниципалитет мало расположен устраивать медицинский факультет»⁴⁶. Возможно, одной из причин, заставившей ученого отказаться от эмиграции, стало испытанное им сильное потрясение после самоубийства 15 (27) апреля 1883 г. его родного брата, палеонтолога Владимира Онуфриевича Ковалевского. В письме Мечникову (29 мая 1883 г.) Александр Онуфриевич писал: «Я до сих пор не оправился от постигшего меня горя»⁴⁷.

Николай Михайлович Пржевальский (1839—1888) назван в словаре «наш российский Васко-де-Гама» (такое написание имени в оригинале) за смелость и незабываемость путешествий в неизвестные страны Азии. Говоря о научно-практических результатах поездок русского путешественника, Михневич отмечает, что Пржевальский затмил всех своих предшественников богатством своих наблюдений и коллекций. Он

...с «командой» в 3½ казака заставил чуть ли не всю Китайскую империю уважать себя и, прослав среди азиатов за сверхестественного русского богатыря, мог бы, пожалуй, без труда покорить мимоходом одно, другое ханство...⁴⁸

О Николае Николаевиче Миклухо-Маклае (1846—1888) написано, что он ищет денежные средства на приведение в порядок своих коллекций и издание своих материалов.

С этой целью недавно он и «сладким дымом» отечества приезжал подышать, и в географическом обществе восторги исторгал, и хлебосольную Москву навестил, где его именитые купцы чествовали и кулебяками кормили, но, увы, далее оваций и кулебяк «вещественные знаки» оказанного родиной гостеприимства г. Миклухе не простирались. Во всяком случае нельзя не пожелать

⁴⁵ Бляхер Л. Я. Научные связи А. О. Ковалевского и И. И. Мечникова с зарубежными зоологами и эмбриологами: письма А. Ф. Мариона к А. О. Ковалевскому // Труды Института истории естествознания и техники. 1959. Т. 23. С. 93.

⁴⁶ Письма А. О. Ковалевского к И. И. Мечникову, 1866—1900 / Ред. Ю. И. Полянский. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 134.

⁴⁷ Там же. С. 133.

⁴⁸ Михневич. Наши знакомые... С. 179.

Рис. 4. Портрет-карикатура на Н. Н. Миклухо-Маклая (Михневич. Наши знакомые... Вкладка)

этому, очевидно, не столько ученому естествоиспытателю, сколько страстному любителю девственной природы полного успеха в достижении его цели, пока он жив и здоров, а то ведь, – почему знать? – весьма, положим, любят его эти самые новогвинейские туземцы с песьими головами, как он рассказывал, и как видно из того, что они недавно чуть не провозгласили его своим королем, но вдруг в одно прекрасное утро возмут, да и скушают «нашего знаменитого путешественника»... Что с них взять? ⁴⁹

Действительно Миклухо-Маклай в 1874 г. обращался в Русское географическое общество (РГО) за финансированием своих работ. Запрос не был оставлен без внимания: РГО выделило ученому 1500 руб., но этого было недостаточно для полной каталогизации собранных во время экспедиций находок. В связи с этим РГО обратилось в Московское общество любителей

естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) с просьбой внести свой вклад в поддержку путешественника, но получило вежливый отказ ⁵⁰.

Что касается описываемой в словаре поездки Миклухо-Маклая в Москву в 1882 г., после возвращения из Сиднея, то дело со сбором пожертвований обстояло несколько по-другому. Д. Д. Тумаркин отмечает, что «златоглавая» превзошла столицу по радушию и хлебосольству. В Большом зале Политехнического музея на лекцию именитого гостя собралась практически вся Москва, в том числе генерал-губернатор, митрополит, крупные ученые и местные толстосумы ⁵¹. После вручения ученому золотой медали ОЛЕАЭ был организован роскошный банкет в честь Миклухо-Маклая. В Москве путешественник встречался с коммерсантом Е. И. Барановским, купцом П. Н. Третьяковым, которые не отказали Миклухо-Маклаю в посильной помощи. Одновременно РГО ходатайствовало перед императором Александром III о финансировании дальнейших путешествий исследователя. Самодержец, не желая тратить на эти нужды средства государственной

⁴⁹ Там же. С. 145.

⁵⁰ Тумаркин Д. Д. Миклухо-Маклай: две жизни «белого папуаса». М.: Молодая гвардия, 2012.

⁵¹ Там же. С. 330–331.

казны, повелел взять все предстоящие расходы Миклухо-Маклая на себя⁵².

В знак благодарности Миклухо-Маклай написал письмо императору, в котором сообщал:

Не умею иначе выразить мою глубокую верноподданейшую признательность, как просить Всемилостивейшего Вашего Императорского Величества разрешения посвятить мое сочинение имени Вашего Величества. С своей стороны я употреблю все усилия, чтобы труд мой оказался достойным высокого внимания Вашего Величества и принес бы пользу отечественной науке и просвещению, заботы о которых были близки Вашему сердцу⁵³.

Об Иване Михайловиче Сеченове (1829–1905) в словаре написано восторженным языком. Профессора физиологии называют «гордостью и славой российской науки», «перворазрядным светилом европейской науки», «первозванным апостолом физиологии в России»⁵⁴. Автор словаря описывает военное прошлое ученого, когда Иван Михайлович обучался в инженерном училище. Особого рвения к военному делу Сеченов не проявлял, поэтому провалил экзамены в офицерских классах и был выпущен из училища в звании прапорщика. «Служакой он был плохим»⁵⁵, поэтому вскоре вышел в отставку и поступил в Московский университет.

Вскоре столь постыдно обрезавшийся в офицерских науках молодой человек обнаружил такие глубокие знания, такой талант и такую пылливость мысли в физиологии, что о нем заговорили в ученом мире, и тогда же Медико-хирургическая академия предложила ему кафедру по его предмету [...] Быстро росла его слава и очень скоро переросла академические своды, выбежала на улицу и сделалась достоянием всей просвещенной «черни», увлекавшейся в то время модой на естествознание. Публичные лекции Ивана Михайловича, его замечательные работы («О нервном электричестве», «О центрах, задерживающих рефлекс», «Физиология нервной системы»), в особенности же

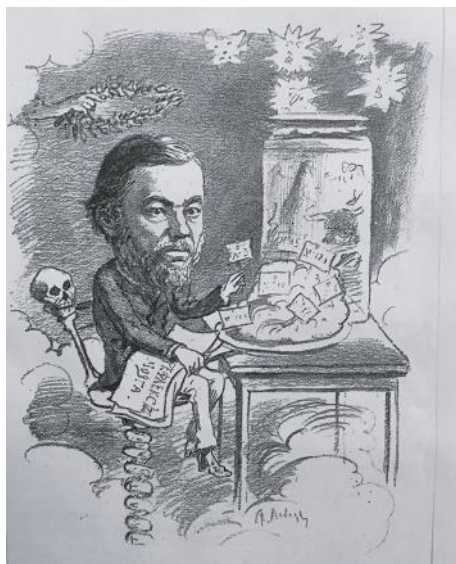

Рис. 5. Портрет-карикатура на И. М. Сеченова (Михневич. Наши знакомые... Вкладка)

⁵² Там же.

⁵³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 677. Оп. 1. Д. 898. Л. 1–2.

⁵⁴ Михневич. Наши знакомые... С. 216.

⁵⁵ Там же.

знаменитые «Рефлексы головного мозга» сделали его имя одним из популярнейших в ряду имен тогдашних пророков, хотя он, кажется, лично этого не добивался. «Рефлексы мозга» стали чем-то вроде евангелия наших скороспелых материалистов, и – сколько молодых, горячих голов искали в этой брошюрке откровения на мучившие их сомнения и вычитывали из нее такие смелые решения по разным мудреным вопросам, какие самому автору и не снились! ⁵⁶

Александр Николаевич Энгельгардт (1832–1893), по Михневичу, «деятель довольно превратной судьбы» ⁵⁷, попал в словарь благодаря своей известности в области химии и агрономии. В прошлом артиллерийский офицер стал профессором земледельческого института. В 1870-е гг. Энгельгардт переезжает в свою смоленскую деревню и превращается в «заправского Цинцината».

Талантливый, просвещенный человек, с сердцем, любящим человека и родину, нигде не затеряется. Это красноречиво доказал г. Энгельгардт; даже, можно сказать, в деревне именно в роли агронома он нашел и свое истинное призвание, и хлеб насущный, и свою российскую заслуженную славу. Его счастливые сельскохозяйственные опыты оказались превосходным практическим уроком и для помещиков, и для крестьян. Г. Энгельгардт вполне оправдал ими высокий завет поэта:

Сейте разумное, доброе, вечное!

Сейте! Спасибо вам скажет сердечное

Русский народ!

Своими же интересными, талантливыми, сердечно искренними «Письмами из деревни» (печатались сперва в «Отеч. записках», а в 1882 г. вышли книгой), в которых г. Энгельгардт высказал глубокое, любовное изучение крестьянина, его мирозерцания, его быта и нравов, – он, бесспорно, внес в общественное сознание много света в деле истинного понимания русского народа, его невысказанной думы и того сложного преобразовательного хозяйственно-бытового процесса, который переживает народ со времени крестьянской реформы ⁵⁸.

Другой агроном, Валерьян Васильевич Черняев (1844–1892), описывается как один из тех специалистов, «которые с необычайной ретивостью обрабатывают сельское хозяйство языком в разных столичных говорильнях и тем известность себе наживают» ⁵⁹. Михневич замечает о «вездесущем агрономе»: «Часто слушаешь, читаешь или думаешь: что если бы такой деятельный язык да в лопату превратить – сколько бы гряд он выпал!» ⁶⁰

В конце XIX в. многих обывателей интересовали различные вопросы медицины, так как в это время проводились исследования

⁵⁶ Там же. С. 216–217.

⁵⁷ Там же. С. 257.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 244.

⁶⁰ Там же.

по анатомии и физиологии различных систем человеческого организма, были открыты причины многих заболеваний и разработаны эффективные методы их лечения. Со страниц газет не сходили сообщения о новостях медицинской науки и практики, а выдающиеся врачи были порой более известны, чем актеры или политики.

Одним из таких знаменитых профессоров медицины был Сергей Петрович Боткин (1832–1889), снискавший среди населения славу главы петербургской терапевтической школы. Михневич отмечал, что Боткин довел диагностику до такого совершенства, что мог определить не только болезнь пациента, но и болезни предков и будущих потомков. «Оттого болящие россияне верят в г. Боткина также свято, как мусульмане в Магомета, и чают, что одно прикосновение его чудесно врачует самые неизлечимые недуги»⁶¹.

Действительно, выдающийся врач считал, необходимо так овладеть медицинским искусством, чтобы по внешнему виду пациента правильно поставить диагноз⁶². Он писал:

Чем более сознательны будут заключения врача при постели больного, тем более они будут научны [...] Для сознательного заключения необходимо большое количество верных фактов, которые и должны быть основанием той внутренней логической работы сознательной мысли, которая выражается в том или другом окончательном заключении⁶³.

В качестве некоторой язвительной насмешки в словаре приводится случай, как во время чумной эпидемии Боткин ошибочно возвел простые «опухоли» в чумную заразу, что послужило источником большого скандала. Дело в том, что в 1878 г. в России свирепствовала чума, но врачи не могли выявить данное заболевание. В станице Ветлянская (в просторечье — Ветлянка) Астраханской губернии только за октябрь и ноябрь 1878 г. от непонятной болезни, которая проявлялась у людей в общей слабости, повышенной температуре, увеличении лимфатических узлов, судорогах, умерли 19 человек. Некогда здоровые станичники неожиданно заболевали и вскоре умирали, родственники даже не хоронили их, боясь неизлечимого недуга, оставляли трупы дома, а сами спасались бегством. Известия о повальной гибели населения астраханской станицы стали доходить до правительства. Последствия распространения болезни могли быть самыми трагическими, так как выше по Волге находились Царицын, Саратов, Самара, Казань, Нижний Новгород.

---

⁶¹ Там же. С. 23.

⁶² Письма С. П. Боткина из Болгарии. 1877 г. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1893.

⁶³ *Боткин С. П.* Клинические лекции профессора С. П. Боткина, читанные в Императорской Военно-медицинской академии в 1884–1885 году. СПб.: Издание Карла Риккера, 1888. Вып. 1. С. 9.

В январе 1879 г. император Александр II назначил генерала М. Т. Лорис-Меликова временным генерал-губернатором Астрахани, Саратова и Самары, которым угрожала чума.

Генерала провожали как смертника, осыпая перрон вокзала цветами, поэты слагали в честь его прочувственные экспромты, а дамы даже не пытались скрывать своих слез ⁶⁴.

По распоряжению нового генерал-губернатора были сожжены «чумные» дома в целях борьбы с распространением болезни, при этом владельцы недвижимости получали полную компенсацию всего уничтоженного огнем, так что никаких конфликтов у новой власти с «погорельцами» не возникало.

Боткин, изучив медицинские заключения командированных в Ветлянку врачей, констатировал, что обнаруженная в Астраханской губернии болезнь была чумой, которая проявилась в слабых формах. В качестве доказательства своей гипотезы он продемонстрировал 13 февраля 1879 г. студентам больного с чумой в первичной ослабленной степени. Больным оказался петербургский дворник Наум Прокофьев, проживавший в подвале Михайловского (Инженерного) замка, в самом центре столицы.

Мгновенно Петербург облетело известие о надвигающейся вспышке чумы. Обитателей Михайловского замка вывезли из города и держали в изоляции. Дворника Прокофьева поместили в отдельную палату и окружили заботой медперсонала. Вскоре больной пошел на поправку и быстро вернулся к своей прежней работе. Удивленные медики и простые обыватели начали сомневаться в правильности поставленного Боткиным диагноза ⁶⁵. В. С. Пикуль в рассказе ««Ошибка» доктора Боткина» красочно описывает эти события:

Все газеты, забыв про дворника, ополчились на Боткина, обвиняя его в «ошибке». Кампанию травли начал Катков ⁶⁶, его «Московские ведомости» выставили врача на всеобщее посмеище [...] Газетная клевета иногда смахивала на политические доносы, а слово не воробей – его не поймаешь. Сергея Петровича без зазрения совести винили в отсутствии патриотизма, в тайных связях с нигилистами, будто он играет на бирже и потому, мол, злодейски решил уронить курс русского рубля; наконец фантазия врагов дошла до такой степени, что Боткина обвинили даже в том, что он выдумал чуму в Ветлянке – на страх России и на пользу ее врагам ⁶⁷.

---

⁶⁴ *Пикуль В. С.* «Ошибка» доктора Боткина // *Пикуль В. С.* Реквием последней любви: миниатюры. М.: Вече, 2015. С. 45.

⁶⁵ *Нилов Е.* (общий псевдоним двух соавторов – Е. И. Гарлинской и Н. Л. Сталинской) Боткин. М.: Молодая гвардия, 1966.

⁶⁶ Михаил Никифорович Катков (1818–1887) – русский публицист, издатель, редактор газеты «Московские ведомости». Был знаменит консервативными взглядами и решительной неприязнью к либеральным кругам, поддерживал политику императора в решении «польского вопроса» и укреплении государственности.

⁶⁷ *Пикуль.* «Ошибка» доктора... С. 52–54.

Боткин после этого события, принесшего ему столько неприятных переживаний, прожил еще десять лет, насыщенных новыми исследованиями, педагогической и клинической деятельностью. Споры об «ошибке» доктора постепенно угасли, созданный миф развеялся, а в народной памяти остались его настойчивость, целеустремленность и самоотверженность в стремлении спасти человеческую жизнь.

Московская школа клиницистов, признанным лидером которой был Григорий Антонович Захарьин (1829–1898), во главу диагностики заболевания ставила длительные расспросы больного, а не исследование общего морфо-физиологического состояния, как это было в школе Боткина. «Захарьинский» метод расспроса — анамнез — способствовал индивидуализации лечебной и профилактической работы. Беседы с пациентами, проводимые Захарьиным, отличались глубокой логикой, вдумчивыми вопросами, умением клинициста наблюдать, выделять главное, сопоставлять различные факты. Разработанная им методология опроса больных вошла во все учебники, а его «Клинические лекции» были признаны классическими для многих поколений терапевтов. Они неоднократно переиздавались в России и были переведены на английский, немецкий и французский языки.

Кроме преподавания в Московском университете и работой над рукописями своих книг Захарьин много времени уделял врачебной практике: принимал у себя больных, устанавливал диагноз и причину заболеваний, назначал схему лечения с учетом индивидуальных особенностей и возможностей пациентов⁶⁸. В справочнике читаем:

Захарьин – медицинское светило Москвы и один из самых редкостных его типов. У замоскворецкого купечества он составил себе совершенно легендарную репутацию: слабонервные купчихи питают к нему суеверный страх и при виде его падают в обморок, а расчетливые купцы при одном имени г. Захарьина хватаются за карман. Первых он, говорят, излечивает от всяких недугов не столько медикаментами, сколько гипнотизирующей свирепостью обращения и произнесением, по рецепту Островского, «страшных» медицинских слов: «анатомия», «гистология», «ампутация», «резекция» и т. под., а вторых – баснословными цифрами своего гонорара.

– Ежели, – говорят московские купцы, – заплатить господину Захарьину за два, за три визита – всякую охоту хворать как рукой с тебя снимет... Не разоряйтесь же из-за такого баловства⁶⁹.

В. А. Гиляровский писал, что за прием на дому Захарьин брал двадцать пять рублей, но бывали случаи, когда купцы платили доктору и по триста, и по пятьсот рублей за визит⁷⁰.

---

⁶⁸ Захарьин Г. А. Клинические лекции. Труды Факультетской терапевтической клиники Императорского Московского университета М.: Императорский Московский университет, 1895.

⁶⁹ Михневич. Наши знакомые... С. 89.

⁷⁰ Гиляровский В. А. Москва и москвичи. М.: Эксмо, 2018.

Писатель и журналист Амфитеатров отмечал ⁷¹, что

Захарьин высоко ценил свой труд. В последние годы его визит на дом доступен был лишь очень богатым людям; для человека среднего состояния пригласить Захарьина было равносильно только что не разорению ⁷².

Относительно боязни «медицинского светила» автор вспоминает такой случай.

Трепетали в доме пациентки – крупной и влиятельной богачихи московской – перед приездом Захарьина, точно ждали не благодетеля и целителя, а самого Ивана Васильевича Грозного со всею опричниною [...] Но великий человек приехал не то уж очень в духе, не то уж очень не в духе; дело в том, что из прославленных своих проказ он на сей раз ни одной не проделал, что говорило за доброе его расположение [...] Часов в доме он, вопреки сложившейся легенде, не останавливал, костылем не стучал, крепкими словами не ругался, – он только презирал за что-то всех вокруг себя: и больную, и родных, с трепетом ожидавших его решения [...] Потом уехал, объявив больную безнадёжно. Она, словно назло, взяла, да и выздоровела ⁷³.

Приведенные воспоминания современников лишний раз указывают на строгий, наводящий на пациентов ужас облик Захарьина, но ни в коем случае не умаляют его заслуг перед отечественной клинической медициной. Конец XIX в. разделил российское общество на приверженцев различных общественно-политических взглядов, поэтому Захарьин с его консервативными взглядами и авторитарным стилем преподавания и работы в клинике вызывал у либерально настроенной публики резкое неприятие, особенно среди студентов-революционеров, которые обвиняли врача в корыстолюбии и поддержке монархических устоев.

Другой известный доктор Павел Яковлевич Пясецкий (1843–1919) охарактеризован Михневичем как «знаменитость довольно обоюдострая» ⁷⁴. Выпускник медицинского факультета Московского университета, он также снискал себе славу прекрасного художника, сделал сотни рисунков по анатомии и гистологии, которые преподаватели использовали в качестве наглядных пособий. Занимаясь вопросами трансплантологии, он в 1870 г. провел пересадку кожи по методу, получившему в хирургии название «метод Пясецкого», а в 1871 г. защитил диссертацию на степень доктора медицины на тему «О возрождении эпителия». Пясецкий высказал оригинальную мысль о том, что на поврежденном участке кожи новые клетки образуются в результате

⁷¹ Впервые А. В. Амфитеатров опубликовал воспоминания о Захарьине под псевдонимом *Old Gentleman* в газете «Новое время» 28 декабря 1897 г.

⁷² *Амфитеатров А. В. Захарьин // Доктор Захарьин: легенды и реальность. Антология / Сост. В. Д. Тополянский. М.: Права человека; Новый хронограф, 2009. С. 168–169.*

⁷³ Там же. С. 165.

⁷⁴ *Михневич. Наши знакомые... С. 181.*

дифференцировки белых кровяных телец, предвосхитив идею о существовании полипотентных (стволовых) клеток ⁷⁵.

В 1874 г. Пясецкий отправился с экспедицией полковника Ю. А. Сосновского в Китай в качестве врача и художника. За время путешествий он собрал богатейшую коллекцию минералов, растений и животных, предметов быта местного населения и написал книгу «Путешествие по Китаю», которая была удостоена золотой медали Императорского Русского географического общества.

Дивилась публика на любопытные китайские коллекции г. Пясецкого, дивилась и на его скандальную полемику с полковником Сосновским, его начальником и товарищем по путешествию в Китай. Кто из них двух прав, кто виноват, – решит, говорят, суд; но на глазомер простого наблюдателя казалось, что г. Пясецкий – ловкий и коварный Иаков, а г. Сосновский – простодушный Исаа, неощутительно для себя пропустивший меж пальцев свое принципиальство в приобретении славы российского Левингстона и теперь, спохватившись, закричавший по этому поводу «караул!» ⁷⁶, — читаем в словаре.

Путешествие в Китай действительно было вынесено Пясецким на широкое обсуждение. Во-первых, он обвинял, Сосновского в хищении экспедиционных денег и придумывании легенды, что серебряные слитки на сумму 18 000 руб. случайно потерялись по дороге. Члены экспедиции были вынуждены скитаться по городам, чтобы собрать хоть какие-то деньги от русского купечества. Во-вторых, по мнению Пясецкого, руководитель экспедиции преувеличивал ее результаты. Не имея специальной научной подготовки, капитан Сосновский написал отчет о китайской экспедиции со множеством ошибок и неточностей.

Полемика между Пясецким и Сосновским была перенесена в судебные инстанции. На заседании суда руководителю экспедиции пришлось давать объяснения по 50 пунктам обвинений, доктору Пясецкому — по 9 пунктам. После изучения материалов судебного дела становится понятным, что никакой Пясецкий не «коварный Иаков», а добросовестный исследователь, незаслуженно обвиненный Сосновским и его окружением в научной нечистоплотности, шпионаже против России и интриганстве ⁷⁷. Суд все-таки признал часть предъявленных начальнику экспедиции обвинений, завершив на этом полемику двух путешественников и оправдав оклеветанного Пясецкого.

О первой женщине, ставшей доктором медицины, Варваре Александровне Рудневой-Кашеваровой (1841–1899), можно прочитать следующие строки:

⁷⁵ Пясецкий П. Я. К вопросу о прививании кожи. М.: Тип. Катков и К°, 1871.

⁷⁶ Михневич. Наши знакомые... С. 181.

⁷⁷ Пясецкий П. Я. Суд над полковником Сосновским. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883.

Знаменитая россиянка, которая никак не может пожаловаться на невнимательность к ней современников, как не может жаловаться и на то, чтобы ей отказали в полном равноправии с представителями господствующего пола. Увенчанная за свои ученые заслуги титулом «доктора медицины», воспетая и превознесенная сторонниками женской эмансипации, г-жа Кашеварова равным образом познала на опыте колючесть шипов мужской (здесь и далее курсив в оригинале. – Р. Ф.) известности и неудобство для дамы мужского амплуа ⁷⁸.

Михневич намекает в заметке на некий пасквиль и последовавший за ним скандальный процесс о «лакомой вдове», что принесло Кашеваровой громкую всероссийскую известность, быть может, более громкую, чем ее слава первой российской представительницы врачебной профессии.

После защиты докторской диссертации «Материалы для патологической анатомии маточного влагалища» ⁷⁹ в 1876 г. в Санкт-Петербургской медико-хирургической академии Кашеварова подверглась нападкам со стороны недоброжелателей, упрекавших ее в безграмотности и карьеризме. Дело в том, что в конце XIX в. общество еще не было готово к появлению женщин с учеными степенями, в медицине все руководящие посты занимали исключительно мужчины, которые не хотели пускать в свою вотчину представительниц слабого пола.

Биограф Кашеваровой С. М. Дионесов считает, что появлению неприязни к первой женщине – доктору медицины способствовали также и некоторые особенности ее характера. Варвара Александровна была прямолинейна и резка в своих суждениях ⁸⁰. В 1870 г. после расторжения ее брака с Н. С. Кашеваровым духовной консисторией она благополучно выходит замуж за ученого секретаря Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, профессора медицины М. М. Руднева. Враги Кашеваровой-Рудневой стали судачить о том, что многими делами в академии стала заправлять жена ученого секретаря. На приходившие доносы Рудневу приходилось писать ответы военному министру.

В 1878 г. Руднев умер, и Варвара Александровна осталась в 34 года вдовой с достаточно хорошим капиталом, известностью в обществе и привлекательной внешностью. На руку и сердце «лакомой вдовы» появился претендент, штабс-капитан Артиллерийской академии И. С. Поликарпов, но был ею отвергнут. Офицер написал гнусный пасквиль на Варвару Александровну в виде повести «Доктор Самохвалова-Самолюбова», которую опубликовала черносотенная газета «Новое время» в сентябре 1879 г. 11 сентября 1879 г., т. е. вскоре после публикации повести, литературный критик М. А. Антонович выступил в газете «Молва» с открытым письмом А. С. Суворину, редактору «Нового

⁷⁸ Михневич. Наши знакомые... С. 101.

⁷⁹ Кашеварова-Руднева В. А. Материалы для патологической анатомии маточного влагалища. Дис. на степень доктора медицины. СПб.: Тип. Я. Третья, 1876.

⁸⁰ Дионесов С. М. В. А. Кашеварова-Руднева – первая русская женщина – доктор медицины. М.: Наука, 1965.

времени», в котором осуждалась публикация пасквиля на первую женщину-доктора. Автор письма увидел в напечатанной повести выходку, направленную против равноправия женщин. Вскоре в «Новом времени» появились заметки, обличающие и М. М. Антоновича, и Кашеварову-Рудневу⁸¹.

Оскорбленная Варвара Александровна подала в суд на автора пасквиля Поликарпова и редакторов «Нового времени» М. П. Федорова и В. П. Буренина. 27 января началось слушание этого дела, после чего суд признал всех виновных в оглашении порочащих сведений и приговорил редакторов газеты к денежному штрафу и к кратковременному тюремному заключению, а Поликарпова — к трехмесячному содержанию на гауптвахте. Имя Кашеваровой-Рудневой опять стало фигурировать в бульварной прессе⁸², что сделало ее жизнь невыносимой.

Кашеварова-Руднева решила бежать подальше от клеветнических сплетен по ее адресу и переехала из столицы в Воронежскую губернию, а затем в город Старая Русса Новгородской губернии. Всеми брошенная, больная и без средств к существованию доживала остаток своих дней первая в России женщина — доктор медицины, которой после защиты диссертации рукоплескал переполненный зал и которая стала примером женщины, отстаивавшей признание своих заслуг в науке.

Илью Фаддеевича Циона (1842—1912) автор словаря называет «экспроссиянином»: «...он настолько офранцузился, что свою русско-еврейскую фамилию перекрестил в благозвучно-галльскую, с прибавкой кавалерского де: де-Сион»⁸³.

Михневич упоминает про некоторую скверную историю, в результате которой Цион оставил кафедру в Медико-хирургической академии, а затем переехал в Париж. Там

сперва он числился в какой-то «командировке» от Военного министерства и писал корреспонденции в «Голос», пока не женился богато на дочери известного военного поставщика Малкиеля и не эмансипировался тем от варварской России. Шевалье де-Сион мелькает перед нами из «прекрасного далека» в разнообразных видах: он то пишет во французских журналах разнообразные «артикли» о России, то издает парижскую газету «Gaulois», то открывает гостиницу для «знатных иностранцев»... Последним его, несостоявшимся, впрочем, гешефтом была попытка купить «Голос». Можно представить себе, что такое сделал бы из русской газеты предприимчивый шевалье де-Сион, для которого, очевидно, *ubi bene ibi patria!*⁸⁴

Московский профессор медицины Николай Васильевич Склифосовский (1836—1904) снискал популярность за «легкие» руки,

⁸¹ Там же. С. 76.

⁸² Буренин В. Защитник лакомой вдовы (опыт диффамации) // Новое время. 6 февраля 1881 г. № 1776. С. 2.

⁸³ Михневич. Наши знакомые... С. 242.

⁸⁴ Там же.

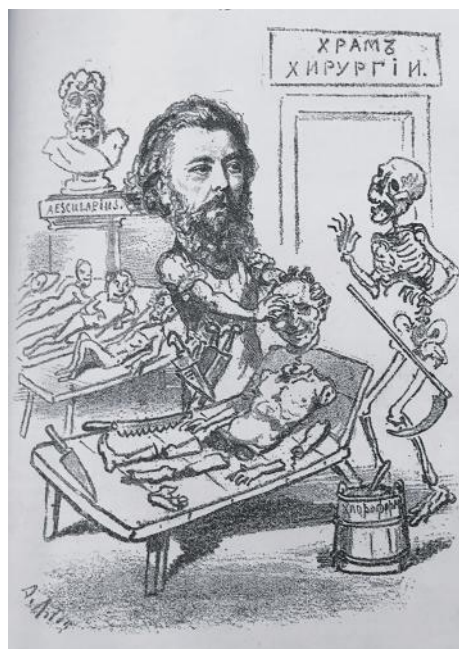

Рис. 6. Портрет-кариатура
на Н. В. Склифосовского (Михневич.
Наши знакомые... Вкладка)

особенно в момент, когда они «вооружались» хирургическими инструментами. Михневич пишет, что Склифосовский

полосует человеческое тело с таким чувством, толком и искусством, что не знает отбоя от охотников испытать на себе ни с чем не сравнимое удовольствие его операций, невзирая на их дороговизну⁸⁵.

Петербургское светило медицинской науки Эдуард Эдуардович Эйхвальд (1839–1889), в прошлом выпускник Военно-медицинской академии, описывается в словаре как человек, преданно служивший во благо родной *alma mater*. В 1883 г. он, правда, покинул ее, но сохранил любовь к своим студентам и коллегам. В своей прощальной речи он сказал:

Меня [...] никогда не покидали три мысли: первая, что совместная научная де-

ятельность не может быть плодотворна без искренних и сердечных отношений между преподавателями и учениками; вторая, что профессора существуют для студентов, а не наоборот, и третья, что мы учимся для жизни, а не для школы⁸⁶.

Михневич отметил, что Эхенвальд был прекрасным диагностом и целителем, всегда имел огромную врачебную практику, относился к пациентам с сердечной теплотой, но кроме того был блестящим ученым, автором учебника «Общая терапия»⁸⁷.

Чечотт Оттон Антонович (1842–1924) — известный петербургский психиатр, мудрость которого многократно демонстрировалась на судебных заседаниях. В каждой почти судебной экспертизе он фигурировал в качестве авторитетного эксперта.

Сострадателен и гуманен, но, чтобы испытать его человеколюбие, нужно сперва с ума сойти. Вообще, всей душой сочувствует душевно скорбящим, что и засвидетельствовал ревностным содействием приумножению и упорядочению сумасшедших домов в столице⁸⁸.

⁸⁵ Там же. С. 210.

⁸⁶ Там же. С. 256.

⁸⁷ Там же. С. 257.

⁸⁸ Там же. С. 245.

Приведенные выше сведения о выдающихся отечественных ученых конца XIX столетия оказались в большей степени правдивыми. Иногда в словаре «творцы науки» предстают в иной ипостаси, например, Воронин — крупный домовладелец, Бутлеров и Вагнер — adeпты спиритизма, Руднева-Кашеварова — «лакомая вдова», Цион — офранцузившийся еврей, Захарьин — гроза московского купечества, Пясецкий — интриган и скандалист, Бекетов — мягкий и нерешительный ректор. Но и эти образы появились небеспричинно, за каждой метафорой и сатирической фразой стоят реальные факты и события.

Фельетонный словарь Михневича интересен тем, что, в отличие от известных биографических изданий, представляет собой не традиционное жизнеописание знаменитых людей с перечислением знаковых событий и основных заслуг героев, а авторскую, порой основанную на мифах характеристику выдающихся деятелей культуры, науки и государства второй половины XIX в. Естественно, что образы известных людей из приведенного словаря разительно отличаются от тех хрестоматийных описаний, к которым мы привыкли.

Карикатуры и краткие сведения о выдающихся деятелях из словаря в значительной степени расширяют источниковую базу, содержат интересную информацию, в том числе и о восприятии ученых их современниками. Анализ такого рода источников требует определенных подходов и соответствующих знаний в силу их специфичности. Эти источники порой оказываются гораздо более достоверными, чем кажется на первый взгляд, и обогащают наше представление об отдельных ученых и научном сообществе. Поэтому пренебрегать ими не стоит, а, наоборот, следует изучать их с особой скрупулезностью, раскрывая при этом замысел художника и побуждающие его мотивы отметить изобразительными средствами те или иные грани творческой личности ученого.

К примеру, все изображения, помещенные в фельетонный словарь, имеют непропорционально большие головы, как это было принято в шаржах того времени, особенно в тех случаях, когда основной целью художника была не насмешка над героем, а передача его портретного сходства в рисунке. Крупная голова была лишь художественным приемом, определяющим жанровый характер иллюстрации.

Бекетов на портрете-карикатуре поглаживает по голове студента, а другой рукой показывает на березу, что подчеркивает его увлеченность ботаникой и мягкость в отношении к людям. Здание университета на рисунке изображено вдали, за спиной «доброго ректора», что, возможно, символизирует отстраненность Бекетова от административной работы учебного заведения.

На помещенном в словаре шарже Менделеев стучится в глухую закрытую дверь, олицетворяющую вход в Императорскую академию наук. Несмотря на множество перевязанных веревкой трудов ученого и патентов на открытия, великого химика «Академия де сианс» не собирается пускать в свои ряды.

Авторы сатирических рисунков пытаются показать область научных интересов своих героев — Миклухо-Маклай пишет свои работы в окружении туземцев, задумавшийся Сеченов разложил на коленях листы из «Рефлексов головного мозга», Склифосовский, вооружившись ножами и пилами, разделявает человеческое тело как заправский мясник.

Шаржи на знаменитостей лишний раз демонстрируют читателям, что автор не ставил перед собой задачу оскорбить или высмеять героев, напротив, приведенный текст и иллюстрации показывают, что у «великих» существует немало трудностей и проблем, которые они преодолевали на своем жизненном пути. Кроме того, многие из описываемых персон обладали различными чертами характера, своими пристрастиями и увлечениями, а также странностями в поведении, что выделяло их из массы обывателей.

Приведенные в статье юмористические характеристики на известных ученых открывают новые грани их научной и общественной жизни. А такая широкая палитра образов «мужей науки» позволяет констатировать тот факт, что многие ученые стали настоящими героями XIX в. — века триумфа естествознания и медицины.

References

- Amfiteatrov, A. V. (2009) Zakhar'in [Zakharyin], in: *Doktor Zakhar'in: legendy i real'nost'. Antologiya [Doctor Zakharin: Legends and Reality. An Anthology]*. Moskva: Prava cheloveka and Novyi khronograf, pp. 164–169.
- Baranov, P. A. (1952) *Vydaiushchiisia russkii botanik Andrei Nikolaevich Beketov (k 50-letiiu so dnia smerti) [An Outstanding Russian Botanist Andrei Beketov (In Commemoration of the 50th Anniversary of His Death)]*. Moskva: MOIP.
- Beketova, M. A. (2013) *Shakhmatovo. Semeinaia khronika [Shakhmatovo. A Family Chronicle]*. Moskva: Direkt-Media.
- Bliakher, L. Ia. (1959) Nauchnye sviazi A. O. Kovalevskogo i I. I. Mechnikova s zarubezhnymi zoologami i embriologami: Pis'ma A. F. Mariona k A. O. Kovalevskomu [Scientific Contacts of A. O. Kovalevskii and I. I. Mechnikov with Foreign Zoologists and Embryologists: A. F. Marion's Letters to A. O. Kovalevskii], *Trudy Instituta istorii estestvoznaniia i tekhniki*, vol. 23, pp. 93–143.
- Borodin, I. P. (1903) A. N. Beketov [A. N. Beketov], *Trudy Sankt-Peterburgskogo obshchestva estestvoispytatelei*, vol. 33, no. 1, pp. 236–239.
- Botkin, S. M. (1888) *Klinicheskie lektsii professora S. P. Botkina, chitannye v Imperatorskoi voenno-meditsinskoi akademii v 1884–1885 godu [Clinical Lectures of Professor S. M. Botkin Read in the Imperial Military Medical Academy in 1884–1885]*. Sankt-Peterburg: Izdanie Karla Rikera.
- Burenin, V. (1881) Zashchitnik lakomoi vdovy (opyt diffamatsii) [Defender of the Coveted Widow (An Attempt at Diffamation)], *Novoe vremia*, February 6, no. 1776, p. 2.
- Butlerov, A. M. (1875) Mediumicheskie iavleniia [Mediumistic Phenomena], *Russkii vestnik*, no. 11, pp. 300–348.
- Dionesov, S. M. (1965) *V. A. Kashevarova-Rudneva — pervaiia russkaia zhenshchina — doktor meditsiny [V. A. Kashevarova-Rudneva, the First Russian Woman Doctor of Medicine]*. Moskva: Nauka.
- Dmitriev, I. S. (2002) Skuchnaia istoriia (o neizbranii D. I. Mendeleeva v Imperatorskuiu akademiiu nauk v 1880 g.) [A Boring Story (On the Non-Election of D. I. Mendeleev

- to the Imperial Academy of Sciences in 1880)], *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, no 2, pp. 231–280.
- Dmitriev, I. S. (2009) Geroi mifov i legend [The Hero of Myths and Legends], *Priroda*, no. 1, pp. 110–117.
- Fokin, S. I. (2006) *Russkie uchenye v Neapole [Russian Scientists in Naples]*. Sankt-Peterburg: Aleteia.
- Giliarovskii, V. A. (2018) *Moskva i moskvichi [Moscow and Muscovites]*. Moskva: Eksmo.
- Ivanova, T. G. (2018) Mikhnevich Vladimir Osipovich [Mikhnevich, Vladimir Osipovich], in: Ivanova, T. G. (ed.) *Russkie fol'kloristy: biobibliograficheskii slovar'. XVIII–XIX v.: v 5 t. [Russian Folklorists: A Biobibliographic Dictionary. 18th – 19th Century: in 5 vols.]*. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin, vol. 3, pp. 606–610.
- Kaloev, B. A. (1979) *M. M. Kovalevskii i ego issledovaniia gorskikh narodov Kavkaza [M. M. Kovalevskii and His Studies of Mountain Peoples of the Caucasus]*. Moskva: Nauka.
- Kashevarova-Rudneva, V. A. (1876) *Materialy dlia patologicheskoi anatomii matochnogo vlagalishcha. Dis. na stepen' doktora meditsiny [Materials for the Pathological Anatomy of the Uterine Vagina. Dissertation for the Doctor of Medicine Degree]*. Sankt-Peterburg: Tipografiia Ia. Treia.
- Khalturin, Iu. L. (2009) Russkie pozitivisty za mediumicheskim stolom, ili ob otnositel'nosti poniatii "psevdonauka" [Russian Positivists at the Mediumistic Table, or on the Relativity of the Concept of "Pseudoscience"], *Epistemologiya i filosofiya nauki*, vol. 22, no. 4, pp. 171–183.
- Kovalevskii, E. P. (1917) Cherty iz zhizni Maksima Maksimovicha po semeinym i lichnym vospominaniyam [Features from the Life of Maksim Maksimovich, based on the Family and Personal Memories], in: Kovalevskii, E. P. (ed.) *M. M. Kovalevskii: uchenyi, gosudarstvennyi i obshchestvennyi deiatel' i grazhdanin [M. M. Kovalevskii: Scientist, Statesman, Public Figure, and Citizen]*. Petrograd: Artisticheskoe zavedenie tovarishchestva A. F. Marks, pp. 5–47.
- Kovalevskii, M. M. (1879) *Obshchinnoe zemlevladienie. Prichiny, khod i posledstviia ego razlozheniia [Communal Land Ownership. The Causes, Course and Consequences of Its Degradation]*. Moskva: Tipografiia F. B. Millera.
- Kovalevskii, M. M. (1883) Pozemel'nye i soslovnye otnosheniia u gortsev Severnogo Kavkaza [Land and Estate Relationships Among the Highlanders of the North Caucasus], *Russkaia mysl'*, no. 4, pp. 137–154.
- Kushnarev, A. A. (2017) Dmitrii Mendeleev: "Kakoi ia khimik?" [Dmitry Mendeleev: "What Chemist Am I?"]. Moskva: Maior and Izdatel' A. I. Osipenko.
- Kuznetsov, B. G. (2017) *Lomonosov. Lobachevskii. Mendeleev: Ocherki zhizni i mirovozzreniia. [Lomonosov. Lobachevsky. Mendeleev: Essays on their Life and Worldviews]*. Moskva: URSS.
- Kuznetsov, N. I. (1903) Pamiati A. N. Beketova [In Memoriam A. N. Beketov], *Trudy Sankt-Peterburgskogo obshchestva estestvoispytatelei*, vol. 33, no. 1, pp. 243–246.
- Mendeleeva, A. I. (1928) *Mendeleev v zhizni [Mendeleev in Life]*. Moskva: M. and S. Sabashnikovy.
- Mikhnevich, V. O. (1859) Sny. Fantasticheskie melochi provintsial'noi zhizni [Dreams. Fantastic Trifles of Provincial Life], *Iskra*, December 4, no. 47, pp. 475–478.
- Mikhnevich, V. O. (1879) *V peterburgskom omute [In St. Petersburg Whirlpool]*. Sankt-Peterburg: F. S. Sushchinskii.
- Mikhnevich, V. O. (1884) *Nashi znakomye. Fel'etonnii slovar' sovremennikov. 1000 kharakteristik russkikh gosudarstvennykh i obshchestvennykh deiatelei, uchenykh, pisatelei, khudozhnikov, kommersantov, promyshlennikov i pr. [Our Acquaintances. A Satirical Dictionary of Coevals. 1000 Characteristics of Russian Statesmen, Public Figures, Scholars, Writers, Artists, Merchants, Industrialists, etc.]*. Sankt-Peterburg: Tipografiia E. Goppe.
- Mikhnevich, V. O. (1891) *Moskvichka [A Muscovite Woman]*. Sankt-Peterburg: Kalashnikovskaia tipografiia.
- Nilov, E. (1966) *Botkin [Botkin]*. Moskva: Molodaia gvardiia.

- Piasetskii, P. Ia. (1871) *K voprosu o privivanii kozhi* [Towards the Issue of Skin Grafting]. Moskva: Tipografiia Katkov i K^o.
- Piasetskii, P. Ia. (1883) *Sud nad polkovnikom Sosnovskim* [The Trial of Colonel Sosnowski]. Sankt-Peterburg: Tipografiia A. S. Suvorina.
- Pikul', V. S. (2015) "Oshibka" doktora Botkina [Dr. Botkin's Mistake], in: Pikul', V. S. *Rekviem poslednei liubvi: miniatiury* [Requiem for the Last Love: Miniatures]. Moskva: Veche, pp. 35–54.
- Pis'ma S. P. Botkina iz Bolgarii. 1877 [S. P. Botkin's Letters from Bulgaria, 1877] (1893). Sankt-Peterburg: Tipografiia M. M. Stasiulevicha.
- Pogodin, S. N. (2005) *Maksim Maksimovich Kovalevskii* [Maksim Maksimovich Kovalevskii]. Sankt-Peterburg: Nestor.
- Polianskii, Iu. I. (ed.) *Pis'ma A. O. Kovalevskogo k I. I. Mechnikovu, 1866–1900* [A. O. Kovalevskii's Letters to I. I. Mechnikov, 1866–1900] (1955). Moskva and Lenigrad: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Shcherbakova, A. A. (1958) *Andrei Nikolaevich Beketov. Vydaiushchiisia russkii botanik i obshchestvennyi deiatel'* [Andrei Nikolaevich Beketov. A Famous Russian Botanist and Public Figure]. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Tumarkin, D. D. (2012) *Miklukho-Maklai: dve zhizni "belogo papuasa"* [Miklouho-Maclay: Two Lives of the "White Papuan"]. Moskva: Molodaia gvardiia.
- Vagner, N. P. (1875) Pis'mo k redaktoru (po povodu spiritizma) [Letter to the Editor (On Spiritualism)], *Vestnik Evropy*, no. 4, pp. 855–875.
- Val'kova, O. A. (2018) Portret uchenogo na fone epokhi [Portrait of a Scientist against the Background of the Era], in: Baturin, Iu. M. (ed.) *Vikhrevaia dinamika razvitiia nauki i tekhniki. Rossiia / SSSR. Vtoraia polovina XX veka* [Vortex Dynamics of the Development of Science and Technology. Russia / USSR. Second Half of the 20th Century]. Moskva: IIET RAN and Saratov: Amirit, vol. 2: Ekstremal'nyi rezhim razvitiia nauki i tekhniki [The Extreme Mode of the Development of Science and Technology], pp. 639–664.
- Zakhar'in, G. A. (1895) *Klinicheskii lektsii. Trudy Fakul'tetskoi terapevticheskoi kliniki Imperatorskago Moskovskogo universiteta* [Clinical Lectures. Proceedings of the Faculty's Internal Medicine Clinic of the Imperial Moscow University]. Moskva: Imperatorskii Moskovskii universitet.

Received: November 18, 2019.